

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. КАК РОДИЛАСЬ ТЕМА МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОГО АНАЛИЗА	7
ТЕОРИЯ	13
ГЛАВА 1. ГИПОТЕЗА СОЦИАЛЬНОГО ПЕРЕЛОМА, ИЛИ ПРОЩАЙ, СОВЕТСКИЙ ПРОСТОЙ ЧЕЛОВЕК	15
ГЛАВА 2. ПОКОЛЕНИЯ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ	31
МЕТОДОЛОГИЯ	41
ГЛАВА 3. ВЫДЕЛЕНИЕ ПОКОЛЕНИЙ	43
ГЛАВА 4. ИЗМЕРЕНИЕ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ	52
ЭМПИРИКА	65
ГЛАВА 5. МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ДИНАМИКА: МИЛЛЕНИАЛЫ НА ФОНЕ ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ	67
ГЛАВА 6. «РАСКОЛ» ПОКОЛЕНИЯ: ГОРОДСКИЕ И СЕЛЬСКИЕ МИЛЛЕНИАЛЫ	123
ГЛАВА 7. «РАСКОЛ» ПОКОЛЕНИЯ: СТАРШИЕ И МЛАДШИЕ МИЛЛЕНИАЛЫ	155
ЭССЕ	223
ГЛАВА 8. КАК ПОНЯТЬ МОЛОДЫХ ВЗРОСЛЫХ	225
ГЛАВА 9. КАК ОБУЧАТЬ НОВЫЕ ПОКОЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ	254
ЧТО ДАЛЬШЕ? ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	281
Литература	285

Илье, моему сыну-миллениалу

Предисловие

Как родилась тема

межпоколенческого анализа

ТЕМА поколений родилась из простого искреннего непонимания. Долгое время я не интересовался молодежной проблематикой и, честно говоря, не считал ее сколь-либо значимой. Не то чтобы я не видел важности возрастных различий, просто они казались чем-то очевидным, лежащим на поверхности.

Первоначальный импульс пришел не от научных штудий, а, скорее, из обыденного опыта. В какой-то момент я, как преподаватель и руководитель лаборатории, в которой всегда работало много молодых сотрудников, почувствовал, что мне стало труднее понимать новое поколение студентов — что их волнует, каковы их мотивы. Я видел, что даже лучшие из них как-то мечутся и не могут определиться со своим будущим (а следовательно, и с настоящим), не в состоянии понять, чего они сами хотят. И рациональные, как мне тогда казалось, объяснения им уже не помогают.

С предыдущим молодым поколением студентов, а затем сотрудников разница в возрасте у меня тоже была немаленькая, но ощущения разрыва не возникало. Они были намного моложе, но не были Другими. А новое поколение воспринималось как Другое, не хорошее или плохое, а именно как Другое, не вполне понятное. Чувствовалось, что оно сильно отличается не только от моего более старшего поколения,

но и от своих ближайших предшественников. Кто-то скажет, что просто выросла возрастная дистанция. Может, и так. Но интуиция подсказывала, что здесь может скрываться нечто большее. И это нечто связано не только с повальным распространением Интернета и все более совершенных гаджетов.

Столкнувшись с этим общим непониманием, я начал обращать внимание и на какие-то более частные вещи, которые с трудом поддавались объяснению. Например, я с удивлением замечал, что многие окружающие меня молодые люди не пьют алкоголь или пьют его в смехотворных, по нашим меркам, дозах (если вспомнить наши молодые годы). Поскольку чуть ранее я начал заниматься этой темой и понимал, что алкоголь — это не обычный товар наряду с йогуртами и майонезами, я обратился к количественным данным. Они подтвердили, что самое молодое взрослое поколение в России все чаще отказывается от потребления алкоголя, причем не только от традиционной водки и самогона, замещающая их менее крепкими напитками (пивом, вином или слабоалкогольными коктейлями), а от алкоголя в целом. Здесь возник явный парадокс. Дело в том, что 2000-е годы в России были максимально благоприятными для увеличения потребления алкоголя — устойчиво росли реальные доходы населения, алкоголь в относительных ценах становился все более дешевым, выросло качество алкогольной продукции (особенно это касалось качества пива после революции в пивоваренной индустрии в конце 1990-х годов), уменьшилось количество низкопробных подделок, существенно расширился ассортимент продукции. Иными словами — пей не хочу. Весь исторический опыт самых разных стран говорит о том, что именно в такие периоды, с ростом доходов населения и доступности качественного продукта, потребление алкоголя должно возрастать. А молодежь, вступившая в годы взросления именно в 2000-е годы, наоборот, начала отказываться от питья или, по крайней мере, его сокращать. Причем произошло это до наступления последних экономи-

ческих кризисов и активного разворачивания новой антиалкогольной реформы. Что же тогда случилось?

К этому добавлялись все новые и новые частные наблюдения. И в какой-то момент возникло нарастающее более общее ощущение социального перелома, ощущение того, что мы, ошарашенные бурными 1990-ми и убаюканные относительным благополучием 2000-х, видимо, пропустили какие-то важные социальные сдвиги, которые произошли именно в 2000-е и были связаны с приходом нового поколения. Признаемся, мы во многом заиклены на громких политических событиях и экономических реформах. А молодое поколение (миллениалы) входило во взрослую жизнь в 2000-е годы, когда не было ни того ни другого, время было относительно стабильное и спокойное. И вообще, это был самый (некоторые скажут «единственный») комфортный период во всей новейшей истории России.

Желание разобраться подтолкнуло, с одной стороны, к ранее проведенным исследованиям, которые только подтверждали возникшие интуиции, а с другой стороны, к количественным данным. Благо под рукой была прекрасная база данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ с множеством переменных, отслеживаемых почти за четверть века. В этих условиях тем более не хотелось ограничиваться общими рассуждениями. Хотелось проверить, действительно ли миллениалы значимо отличаются от своих предшественников. И если отличаются, то где они ускоряют ранее возникшие тенденции, а где находятся в точках перелома этих тенденций.

Словом, меня заинтересовала не молодежь сама по себе, а именно нынешняя молодежь, точнее, молодые взрослые, или те, кого сегодня принято называть миллениалами¹. Они родились в период начиная с первой половины 1980-х до

¹ Популярность термина «миллениалы», по данным Google trends, начала возрастать в России с середины 2016 г.

конца 1990-х годов, и к началу 2018 г. им было примерно от 18 до 35 лет.

Впрочем, начиная книгу о молодом поколении, я должен оговориться, что меня все же интересуют не поколения как таковые. Цель данного исследования — не в том, чтобы «правильно» их выделить и построить стандартный социологический портрет. Скорее, я убежден в том, что правильно поставленный вопрос о молодежи (не просто как о возрастной группе, а об условиях взросления) немедленно становится вопросом о новых трендах и характере социальных изменений в целом. По заключению американского психолога Джин Твенге, занимавшейся сравнительным изучением поколений, «в первую очередь культурные изменения затрагивают молодежь и только потом старшие поколения» [Твенге, 2019, с. 31]. И анализ межпоколенческой динамики, которому посвящена эта книга, — лишь один из удобных инструментов для изучения этих изменений. Инструмент, который приобрел особую значимость именно сейчас.

Понятно, что разделение поколений связано с немалыми условностями и ограничениями, и использование подобных категорий вызывало и будет вызывать немало сомнений и справедливой критики. Операциональное выражение категории «поколение» и в самом деле весьма проблемно. Но, как метко заметил в свое время Теодор Шанин, ровно то же самое следует сказать о понятиях «класс», «этничность» и множестве других базовых категорий, благополучно используемых социальными науками [Шанин, 2005, с. 38].

Несколько слов о структуре книги. Она начинается с теоретического раздела. В нем подвергается критике излишне политизированный подход к анализу поколений, который подводит нас к мысли об отсутствии в России за последние четверть века существенных социальных изменений и сохранении архетипа советского простого человека в молодых людях, которые никогда не жили при советском строе. Этому взгляду мною противопоставляется общая гипотеза

социального перелома, связываемого именно с приходом нового поколения миллениалов. При этом я опираюсь на социологический подход к выделению и анализу поколений, основы которого излагаются во второй части теоретического раздела.

Раздел по методологии также состоит из двух частей. В первой части я предлагаю собственную классификацию поколений применительно к советской и постсоветской истории, а во второй характеризую источники данных и основные методы их анализа.

Наиболее обширной является эмпирическая часть. Здесь содержатся результаты статистических расчетов, позволяющие сопоставить миллениалов со всеми предшествующими поколениями по множеству значимых социальных параметров и уловить новые тренды, которые порождаются или подхватываются новым поколением молодых взрослых. А затем я берусь за самих миллениалов, разделив их сначала на городскую и сельскую группы, а затем на две крупные возрастные когорты (старших миллениалов и миллениалов 3С), чтобы показать внутреннюю неоднородность самого этого поколения. По всей видимости, мною предпринята первая попытка систематического количественного анализа социальных межпоколенческих и внутрипоколенческих различий в современной России. Добавим, что новая большая глава о возрастном разделении миллениалов впервые включена в данное, третье издание книги.

После эмпирической части, опирающейся на расчеты и графики, приходит черед более вольного формата эссе. Это форма размышлений, построенных на основе личного опыта и интуиции, а также на результатах чужих исследований, а не собственного строгого статистического анализа. Здесь предпринимается попытка представить более общую картину социальных изменений, достроить идентичность нового молодого поколения признаками, по которым у нас еще нет надежных статистических данных, и, возможно, на-

бросать множество гипотез для будущих исследований (без возложения на автора ответственности за их проведение). В первом эссе я пытаюсь отобразить и увязать характеристики, отличающие молодых взрослых. А во втором задаюсь более прагматичным вопросом — как нам справиться с новыми вызовами и эффективнее учить наших нынешних студентов-миллениалов, которых, кстати, уже «подпирает» новое поколение зумеров.

Ряд материалов был опубликован ранее в разных журналах [Радаев, 2018а; 2018б; 2019; 2020а; 2020б; Радаев и др., 2018]. Все они дополнялись и перерабатывались специально для этого издания. Разумеется, к ним добавились и совершенно новые тексты.

Осталось сказать, что данная работа выполнена в рамках проекта Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Я особенно благодарен своим коллегам по Лаборатории, а также всем тем, кто участвовал в обсуждении моих докладов в разных аудиториях Москвы и Санкт-Петербурга, высказав немало ценных суждений и замечаний, которые я постарался учесть в данной книге. Некоторые мои выступления и обсуждения темы межпоколенческого анализа доступны онлайн².

Особо благодарю официальных рецензентов В.И. Ильина и Е.Л. Омельченко, а также Е.С. Бердышеву, Д.Х. Ибрагимову и З.В. Котельникову за важные замечания и комментарии по рукописи книги. Также выражаю признательность В.С. Магуну, И.В. Павлуткину, Я.М. Рощиной, Д.С. Сальниковой и Г.Б. Юдину за замечания по отдельным материалам будущего издания.

² См., например: <<https://www.youtube.com/watch?v=wGhCYI9yl5k>>; <<https://eu.spb.ru/news/18058-millenary-na-fone-predshestvuyushchikh-pokolenij-empiricheskij-analiz>>; <<https://otr-online.ru/programmi/gamburgskii-schet/prorektor-vshe-vadim-81799.html>>; <<https://foi.hse.ru/teach4hse/teachersroom>>.

ТЕОРИЯ

В этом разделе мы увидим, как излишне политизированный подход приводит к разочарованию в современной молодежи и в межпоколенческом анализе, мешая увидеть социальный перелом, связанный с приходом нового поколения.

Глава 1

Гипотеза социального перелома,

или

Прощай, советский простой человек

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК НЕ УШЕЛ?

ПРОИСХОДЯТ ли социальные изменения, какова их направленность, насколько эти изменения глубоки и чем они вызваны — все эти вопросы постоянно находятся в центре внимания. Одним из ключей к пониманию этих вопросов служит видение того, как меняются человек и его взаимоотношения с другими людьми. Говоря о человеке в современной России, нельзя не обратить внимания на многолетнее социологическое исследование, инициированное еще в 1989 г. Ю.А. Левадой и его коллегами (Л.Д. Гудковым, Б.В. Дубинным, А.Г. Левинсоном и др.), результатом которого стало выведение особого антропологического типа «советский простой человек» [Советский..., 1993]. Проект имел долгосрочный характер, замеры общественного мнения делались в 1994, 1997, 2003, 2008 и 2012 гг.

Первоначально «советский простой человек» изучался как «уходящая натура», как тип человека, сформированного в условиях социализма. Но впоследствии авторами исследования было сделано заключение о том, что с разрушением социалистического строя тип советского человека никуда не уходит, хотя и теряет роль былого нормативного образца. В новом тысячелетии произошла его реставрация,

более того, в определенных ситуациях он начал выходить на передний план. Утверждается, что этот человек адаптировался к изменениям, порожденным реформами, и сохранил свои основные черты. При этом он не в состоянии (или не склонен) менять сложившиеся условия. Причина видится в том, что, хотя советская система рухнула, ее институты остались прежними, изменения оказались поверхностными, не затрагивая оснований слившихся общества и государства, человек же оказывается производным от существующих институтов. Отсюда делается своего рода парадоксальный вывод: молодые люди, даже не жившие при советском строе, мало чем отличаются по своим жизненным установкам от своих родителей. В итоге с приходом новых поколений общество не развивается, а деградирует [Гудков, 2007; 2016]. Приведем развернутое высказывание, характеризующее эту позицию:

«За 25 лет, прошедших после распада СССР, сменилось целое поколение; в жизнь начали входить молодые люди, не жившие при советской власти, однако мало чем отличающиеся по своим жизненным установкам от поколения своих родителей, в меньшей степени — от своих дедов. Пришлось признать, что дело не в том, чего хотят и как ведут себя молодые люди, а что с ними делают существующие социальные институты, в рамки которых молодежь так или иначе должна вписаться, принять их и жить по их правилам. Основные механизмы воспроизводства этого человека обеспечены сохранением базовых институтов тоталитарной системы (даже после всех модификаций или их рекомбинации)» [Гудков, 2016].

Далее мы рассмотрим специфику и ограничения данного подхода, в особенности его импликация для анализа межпоколенческих сдвигов, и предложим свой альтернативный взгляд.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПОКОЛЕНИЙ

Для того чтобы понять истоки упомянутого выше подхода, посмотрим, как выделялся архетип «советского простого человека». Этот человек понимался как «идеально типическая конструкция человека, представляющая сложный набор взаимосвязанных характеристик, которые связывают и социальную систему (институционально регулируемое поведение), и сферу символически смыслового производства (социокультурные образцы, паттерны поведения и ориентации)» [Гудков, 2007, с. 220]. Мы согласны с тем, что исторический тип человека характеризуется совокупностью социальных условий. Но важно, как определяются эти условия. В анализируемом случае этот идеально-типический конструкт изначально строился преимущественно как человек политический. В качестве его основных черт выделялись: принудительная самоизоляция, государственный патернализм, эгалитаристская иерархия, имперский синдром [Советский..., 1993, с. 24]. Этот человек целиком принадлежал государству. Его сущностные характеристики образуются взаимоотношениями с (государственной) властью. И сегодня, по прошествии как минимум четверти века, в качестве главной особенности «советского простого человека» по-прежнему видятся «умение адаптироваться к административному и полицейскому произволу, способность уживаться с репрессивным государством» [Гудков, 2016]. Этот политический подход плавно переносится на анализ социальных поколений и становится, как мы увидим далее, попыткой девальвации межпоколенческого анализа.

Исходной точкой всех социологических рассуждений о поколениях, как правило, становится идея К. Мангейма о важности значимых совместно переживаемых событий для формирования того или иного поколения [Мангейм, 2000, с. 15] (к ней мы еще вернемся в следующем разделе).

Но далее в процессе конкретизации эта идея подвергается ступенчатой трансформации. Сначала возникает интерпретация, в соответствии с которой содержательное сходство поколений заключается в состоянии пассивного страдания, репрезентации себя как «жертвы социальных процессов» [Семенова, 2003]. Иными словами, значимые события интерпретируются как травмы (аналогичный подход см.: [Edmunds, Turner, 2005]). А затем травмы, в свою очередь, интерпретируются главным образом как политические катаклизмы, т.е. результаты преимущественно политических событий. При таком подходе поколение как реальная (не только лишь статистическая) группа формируется исключительно в противостоянии власти и существующему политическому строю. Становится важным в том числе, за кого голосуют представители того или иного поколения, насколько активно они участвуют в политических акциях, и, шире, какие требования предъявляются к государству и политическому устройству в целом.

В российской социологии при анализе поколенческой динамики, на наш взгляд, политический подход оказался слишком сильно выраженным, определяя не только границы поколений, но, что более важно, характеристики самих поколений. Ю.А. Левада называл этот подход взглядом на общество «сверху», со стороны элит, формирующих значения событий и периодов [Левада, 2001]. При этом, разумеется, значимость «хода снизу» (от повседневной жизни массовых социальных групп) тоже признавалась, но отодвигалась на второй план. В этой трактовке к анализу поколений (в первую очередь молодежи) применяется понятие политической группы (в понимании М. Вебера), демонстрирующей коллективное мобилизованное действие. Если же политические группы в упомянутом смысле не формируются, проблематика молодежи в частности и поколений в целом утрачивает свою актуальность.

РАЗОЧАРОВАНИЕ В МОЛОДЕЖИ

Политический подход к поколенческому анализу порождает, среди прочего, немалые разочарования в молодых поколениях, от которых ожидают устремлений к системным политическим переустройствам. Дело в том, что молодежь в современной России во многом не оправдывает подобных ожиданий. В массе своей она не бросает вызов властной вертикали, не демонстрирует массового участия в протестных движениях. И в целом протестный потенциал с начала 2000-х годов при некоторых флуктуациях остается на сходном уровне.

Досадным образом для приверженцев политического подхода молодежь демонстрирует «ретроградное» понимание советской истории. Так, выявлено, что среди молодежи значимо уменьшается доля тех, кто считает наиболее важными событиями роспуск Советского Союза и попытку государственного переворота (путч) в 1991 г. [Седов, 2011]. Опросы 2011 и 2017 гг. показывают также, что многие из них готовы назвать И.В. Сталина самым выдающимся человеком всех времен и народов, причем доля молодых людей, с уважением относящихся к Сталину, в нынешнем поколении в сравнении с перестроечным выросла в 4–5 раз [Гудков, 2016].

Более того, по данным опросов общественного мнения, повышенная доля респондентов в молодом поколении выражает поддержку действующей власти и ее лидерам¹, показывает несколько более высокую готовность голосовать за правящую партию на выборах в Госдуму [Седов, 2011]. По данным Фонда «Общественное мнение» за 2018 г., среди молодежи 18–30 лет обнаруживается более высокая, чем в среднем, доля тех, кто в целом положительно относится к партии «Единая Россия», а также больше тех, кто думает,

¹ См., например, данные «ГеоРейтинга» ФОМ. <<http://bd.fom.ru/pdf/d13np10.pdf>>.

что авторитет «Единой России» растет². Среди молодежной группы более высока доля тех, кто считает нынешнюю Госдуму нужным органом власти³. Высокая поддержка проявлена и на выборах Президента России в 2018 г. По данным ВЦИОМа, явка среди избирателей в возрасте 18–34 лет составила 65,6%, а за В.В. Путина проголосовали 67,9%⁴. Во всем этом нынешним приверженцам модели советского простого человека видятся симптомы глубокой хронической болезни.

В результате возникает весьма безрадостная характеристика современной молодежи как новой реинкарнации советского простого человека, которая наделяется чертами апатичности, безучастности, пассивности и наличием «подросткового сознания». Не без горечи отмечается, что главным носителем реформ 1980-х годов стали не 30-летние, а 60-летние («шестидесятники», или дети «оттепели»). Но еще больше разочарований приносят 2000-е годы, когда оказывается, что повышенная доля представителей молодежных групп считает, что «дела в стране идут в правильном направлении».

Не усматриваются и возможности для возникновения «молодежного вызова» в обозримом будущем. Какие-то надежды всколыхнулись после протестного движения 2011–2013 гг. (серия событий на Болотной площади и др.) и продолжают появляться вновь при возникновении соответствующих событий, например, при выходе на несанкционированные митинги заметного числа школьников весной 2017 г. Но эти надежды ослабевают вместе со спадом очередной волны протестных действий, демонстрирующих (по крайней мере, пока) свою неустойчивость.

Характерно, что в политическом отношении молодежь становится объектом не только разочарований, но и серьез-

² <<https://fom.ru/Politika/14120>>.

³ <<https://fom.ru/Politika/13638>>.

⁴ <<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9002>>.

ных опасений. Обращается внимание на то, что нынешние молодежные группы в случае успеха коллективной мобилизации, т.е. своего превращения в политическую группу, зачастую склонны к экстремизму и могут использоваться правящими партиями в своих интересах. Вот перечень характерных черт, которые вызывают особую озабоченность: «Восторженный энтузиазм и максимализм требований нередко сочетался при этом с предельно упрощенными критериями, фанатизмом, этическим утилитаризмом, бескомпромиссностью и жестокостью по отношению к реальным или выдуманым противникам» [Левада, 2005, с. 242]. Пророчески высказываются и явные опасения, что вместо Болотной площади или улицы Сахарова в Москве молодежь выйдет на Манежную площадь с совершенно другими недемократическими лозунгами, повторяя события 11 декабря 2010 г. Так что формирование политических групп на основе молодежных поколений в сегодняшних условиях не только связывается с позитивными ожиданиями, но может видеться и как нежелательное явление.

Иногда демонстрируется, впрочем, и более оптимистичный взгляд на будущность молодежных групп в связи с тем, что среди них в большей степени распространены либеральные экономические идеи [Седов, 2011]. Но фактологическое подкрепление у такого оптимизма пока довольно слабое.

В более общем контексте разочарованию в политическом потенциале молодежи сопутствует девальвация проблематики межпоколенческих отношений в целом. В логике изложенного выше подхода начинает казаться, что понятия «конфликта» или «разрыва поколений» — не более чем мнимые конструкции, или фантомные категории, образовавшиеся вследствие перенесения на общественные процессы несоразмерного понятийного аппарата:

«Само перенесение на общественные процессы понятийного аппарата, характерного для рассмотрения “фамильной” преем-

ственности, приводит к ряду *мнимых конструкций* — таковы, например, “смена”, “конфликт”, “разрыв” поколений» [Левада, 2005, с. 235].

В результате на основе политического подхода делаются два вывода: советский простой человек возродился из пепла (или вовсе не умирал), а поколенческие сдвиги в силу своей поверхностности несущественны — дети слишком похожи на своих отцов. На наш взгляд, этот перенос на молодых людей, не живших при социализме, идеалов даже не отцов, а, скорее, их дедов, является серьезной методологической ошибкой и вдобавок противоречит тому, что мы наблюдаем на повседневном уровне. И не потому, что подобная консервация в принципе невозможна (между советскими поколениями сохранялась немалая доля преемственности), а потому, что сегодня эта преемственность, по всей видимости, ослабла. И в дальнейшем мы попытаемся это показать.

ОТ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ К МИЗАНТРОПИИ

Поскольку Ю.А. Левада и его коллеги опирались на многолетние и систематические эмпирические исследования, это помогало им сохранять относительно взвешенную позицию. Если же политический подход не опирается на результаты конкретных исследований, он способен превращать плодотворные в основе своей идеи в политизированные штампы. Примером политизированного подхода может послужить статья политолога В. Пастухова [Пастухов, 2015]. Как заведено, все начинается с классических идей К. Мангейма о переживании совместного уникального социального опыта и о разном вкладе поколений. Но тут же, наряду с «конструктивными поколениями», появляются «деструктивные поколения», чего Мангейм уже в виду не имел. Он писал намного более аккуратно, что «не всякое поколение

выстраивает свою собственную, особенную модель мирозидения и воздействия на мир», т.е. свою энтелехию [Мангейм, 2000, с. 44].

После выделения «деструктивных поколений» политизированный подход, рисующий действительность преимущественно в черно-белых тонах, невольно приводит к хронической мизантропии. Семидесятники характеризуются как «безыдейный псевдокоммунистический консюмеристский планктон» и как «движение алчных потребителей, присвоившее себе романтические идеалы шестидесятников». Родившиеся накануне перестройки квалифицируются как «разочарованное поколение отвязных циников», «первое уже совершенно безыдейное, но еще советское по сути поколение». Характеристику же миллениалов, которых Пастухов называет «потерянным поколением», в силу нашего особого интереса к этому поколению, приведем в более полном виде:

«В жизнь вступает безвременно состарившееся поколение, у которого нет даже своего собственного будущего. Это поколение мегapotребителей, первым впечатлением жизни которых был ранний Путин. Оно смутно помнит беспредел 90-х, а СССР ему кажется вообще доброй старой сказкой. Авторитаризм, особенно в формате “суверенной демократии”, является для него привычной и естественной средой обитания. Девиз этого поколения — урви от жизни все. Это убежденные консюмеристы. Главным событием их жизни стал нефтяной бум, обеспечивший этому поколению небывалый и ничем не оправданный уровень жизни. Они инфантильны и агрессивны. Их амбиции сопоставимы только с их аппетитом. Из всех видов свобод наиважнейшей для себя они считают свободу потребления. Это поколение лишних людей, которому кажется, что оно востребовано. Оно является социальной базой всех провластных радикальных движений, но не потому, что любит власть, а потому, что любит красивую и комфортную жизнь. Оно не только поддерживает перерождение авторитаризма

в неототалитаризм, но и всячески провоцирует его. Поколение надежды оказалось поколением исторического тупика. Удел лучших его представителей — эмиграция, либо внешняя, либо внутренняя» [Пастухов, 2015].

Комментарии, как говорится, излишни. Миллениалы рисуются как пассивные, потребительски настроенные, заботящиеся лишь о себе и своем выживании. Они готовы снижать свои запросы, верят обещаниям властей. И даже сознание собственной исключительности и особенностей своей страны характеризуется в лучшем случае как невытравленные остатки имперского синдрома, а в худшем — как пережиток былого коммунистического сознания. И в целом перед нами предстает поистине безрадостная картина: на смену «разочарованному поколению» приходит «потерянное поколение», а за ним следует «поколение без будущего» — в таком мизантропическом анализе сквозит явное разочарование и раздражение, и возникает ощущение полной безысходности.

Последняя надежда все же оставляется и связывается с растущим поколением зумеров, родившимся в 2000-е годы, которое, как ожидается, будет более цельным и дееспособным. Основная причина цельности, оказывается, заключается в том, что оно вырастает «в условиях более жесткой диктатуры». Так, от представления о том, что жизнь поколений определяется преимущественно политическими событиями, мы приходим к фантазмагориям о том, что самым сильным и формирующим поколение впечатлением («первым впечатлением жизни») становится «ранний Путин».

Конечно, это своего рода крайняя позиция (если говорить об интеллигентных версиях), но в ней проявляются все условности и недостатки политизированного подхода. Это взгляд демократически настроенной советской интеллигенции, пережившей Советский Союз. Именно им мы обязаны демократизацией и горбачевской перестройкой. И именно

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru